

В. В. Наумкин¹

ИСЛАМСКИЙ МИР, РОССИЯ, ЗАПАД — ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ

Во всемирной цивилизационной классификационной сетке можно увидеть немало треугольных построений, в том числе с участием нашей страны: Россия—США—Евросоюз, Россия—Китай—Индия, Россия—Беларусь—Казахстан и т. д. Вынесенная в заголовок доклада триада не означает, что между ее членами существуют равнозначные отношения. Однако различия во взаимоотношениях не означают того, что они не сталкиваются с одинаковыми проблемами, к примеру «согражданства», сосуществования людей различных конфессий и этносов или миграционных потоков.

Современные мусульманские государства играют большую роль в мировой экономике, политике и культуре. Эти три измерения тесно взаимосвязаны. К примеру, поставка этими государствами энергоресурсов на мировой рынок в значительной мере влияет на политические процессы и события, которые носят глобальный характер. Но политика тесно связана и с культурой. Именно культурное, или цивилизационное, измерение определяет характер взаимоотношений исламского мира с другими частями мирового сообщества.

Единственно правильный путь развития этих взаимоотношений — путь диалога религий и культур, их сотрудничества и взаимообогащения, уважения и терпимости друг к другу.

В глобализующемся мире цивилизации, культуры, народы, государства оказывают постоянно возрастающее влияние друг на друга благодаря активному перемещению капиталов, людей и информации (хотя на самом деле свободно пока перемещаются лишь капиталы и информация, но не люди). Глобализация не является порождением нашего времени.

¹ Директор Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Истории Востока», «Очерки по этнолингвистике Сокотры», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Абу Хамид аль-Газали», «Правильные весы» и др. Председатель редакционной коллегии журнала «Восток (ORIENS)», редакционного совета журнала «Восточный архив», входит в состав редколлегий или редакционных советов журналов: «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция), «Вестник российской нации», «Вестник МГУ. Сер. «Востоковедение», «Современный ислам». Многие книги переведены на иностранные языки.

Но ее характер и масштабы меняются. И если основной глобализации в последней четверти XX века было доминирование США, то в XXI веке ситуация изменилась. Как писал в своей знаменитой книге «Постамериканский мир» Фарид Закария, вслед за эпохой the Rise of the West («подъема Запада») в XXI веке наступила эпоха the Rise of the Rest («подъема остальных»).

В условиях глобализации все нации, государства и цивилизации активно взаимодействуют друг с другом, постепенно сближаются правила и нормы функционирования экономических и политических систем. Но любая цивилизация по праву дорожит теми культурными основами, от сохранения которых зависит ее идентичность. При этом даже в экономической сфере институты и правила, выработанные одной цивилизацией, могут оказываться глобально более эффективными, чем имеющиеся в другой. Так, в условиях всемирного кризиса исламские банки продемонстрировали большую устойчивость и эффективность, чем западные.

К сожалению, между исламским миром и Западом в последние десятилетия наметилась тенденция к ухудшению отношений. Причины этого явления известны. Прежде всего, это оккупация арабской Палестины и неоправданное применение военной силы в других странах исламского мира; действия террористов, присваивающих себе право действовать якобы от имени ислама. Конечно, существует надежда на то, что ситуацию можно исправить. Отчасти это связано с политикой Президента США Б. Обамы, стремящегося значительно улучшить отношения с исламским миром. Эта политика разительно отличается от той, которую в течение длительного времени проводили находившиеся у власти в США неоконсерваторы. Напомним, что еще за четыре года до 11 сентября 2001 года список ближневосточных режимов и организаций, которые Подгорец, Беннет, Ледин, Нетаньяху и отражавшая взгляды политиков и политологов этого направления газета «Уолл-стрит джорнэл» определили как цели для силового вмешательства, включал Алжир, Ливию, Египет, Судан, Ливан, Сирию, Ирак, Саудовскую Аравию, Иран, движения «Хесболлах» и ХАМАС, палестинскую администрацию и так называемый «воинственный ислам». Конструировался образ «империи зла», противостоящий «демократической империи добра» — США. Развитие этого образа способствовала вышедшая в 1993 году книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (“Clash of Civilizations”), в которой исламский мир предстал в виде противника Запада. «Месяцеподобный исламский мир имеет кровавые границы...» — пугающе вещал политолог, в свое время позаимствовавший идею «столкновения» у Бернарда Льюиса. Концепция цивилизационных столкновений в 1990-х годах стала «дежурным блюдом» западной политологии. В феврале 2004 года Чарльз Краутхаммер триумфально заявил на ежегодном обеде в Американском предпринимательском институте, что американцы создали «самую большую империю в мировой истории». Америка, по его заявлению, не только «однополярная держава», но и «хранитель международной системы». В 2000-е годы у части неоконсерва-

торов первое место среди центров исламской угрозы заняла Саудовская Аравия. 10 июля 2002 года Р. Перл пригласил Лорента Муравика (бывшего помощника Линдона Ларуша) провести брифинг в возглавляемом им тогда Бюро оборонной политики, на котором тот сказал, что США должны предъявить Саудовской Аравии ультиматум. «Или вы, — подчеркнул Муравик, — преследуете и изолируете всех тех, кто замешан в террористических сетях, включая саудовские спецслужбы, и заканчиваете всякую пропаганду против Израиля, или мы осуществляем вторжение, захватываем нефтяные месторождения и оккупируем Мекку».

К счастью и для США, и для исламского мира к совету Муравика администрация Дж. Буша-младшего не прислушалась, и поход на Мекку не состоялся. Но стремление части американского политического истеблишмента сформировать образ врага Запада в лице всего исламского мира осталось. Навязчивое стремление распространять в исламском мире демократию и во имя этой цели свергать режимы дискредитировало лозунги демократизации. Такую стратегию в исламском мире стали рассматривать как прикрытые для реализации иных целей геополитического характера. Пока Палестина, Ирак и в меньшей степени Афганистан являются свидетельствами неизменной политики «двойных стандартов» и ставки на военную силу, эта политика будет восприниматься как продолжение прежнего колониализма Запада, воспроизводя в памяти жителей многих государств долгие годы зависимости и национального унижения.

Напомню, как иронизировал известный американский журналист Роберт Фиск по поводу притязаний Израиля на библейскую землю: «Мы все имеем земли, которые Бог или наши отцы дали нам. Разве королева Англии Мария Тюдор не умирала со словом “Кале” на устах? Может быть, Испания имеет законное право на Нидерланды? Или Швеция — на Норвегию и Данию? Или Великобритания — право на Индию? Или мусульмане — да и евреи тоже — право на Андалусию XV века? Любая колониальная держава, включая Израиль, может выдвигать подобные нелепые притязания». Палестинские лидеры не могли бы высказаться столь определенно.

В связи с этим не могу не вспомнить историю, рассказанную испанским писателем Карлосом Ленсеро, долго жившим в марокканском Рифе. Хозяином дома, в котором он квартировал, был старик, который сначала сражался против Франко во время восстания в Рифе, а во время Гражданской войны в Испании воевал на его стороне против республиканцев (на стороне Франко воевали около 100 тыс. марокканцев, 20 тыс. погибли). Ленсеро спросил старика, не видит ли тот противоречия в столь резкой смене позиций. Старик удивленно поднял брови: «Что же в этом странного? Мы всегда делали одно и то же: убивали испанцев». Остается надеяться, что отношения между исламским миром и Западом не будут развиваться согласно этой логике.

Для западного политического дискурса привычным стереотипом стало представление об исламском мире как о сообществе, якобы отвергающем демо-

кратию. Этот стереотип часто использовался в качестве оправдания для оказания давления на те мусульманские государства, которые в политическом плане развиваются не в русле американской политики. Однако, как писали американские исламоведы Дж. Эспозито и Дж. Волл, «приверженность вестернизации не является гарантией демократии, подобно тому, как применение исламского закона не является доказательством врожденного авторитаризма в исламе». Как известно, напряженные поиски наилучшей модели сочетания исламских ценностей с современными методами правления, свободами и правами человека ведутся в исламском мире повсеместно. Иначе говоря, от неизбежности перемен не уйти никаким обществам, не включая и мусульманские, но они также вправе гордиться теми духовными ценностями и моральными устоями, которые были у них и около полутора тысяч лет назад. Они тоже оказывают и будут еще в большей степени оказывать свое влияние на внешний мир, поскольку процесс взаимообогащения цивилизаций — улица с двусторонним движением.

Одна из улиц, по которой проходит это движение (причем с возрастающей скоростью), — это «улица мигрантов». Превращение мусульманской диаспоры на Западе во влиятельную общественно-политическую силу не может не оказывать влияния на систему государственно-политических институтов в западных государствах. В целом, рост ее численности и влияния способствует появлению новых центров силы и нарастанию неопределенности в системе мировой политики. Те новые отношения, которые складываются между акторами мировой политики (отчасти и под влиянием вышеназванного фактора), можно описать с помощью такого понятия, как полиархия (*poliarchy* — в переводе с греческого «многовластие»). Этот термин впервые был введен в научный оборот около четырех десятилетий назад американским политологом Робертом Далем для описания процессов, происходящих в развитых демократиях, а затем, чуть позже, использован применительно к мировой политике американским международником Сеймом Брауном. Браун отмечал, что термин означает именно то, что заложено в его этимологии, а именно «политическую систему, которая может быть вполне хаотичной, управляемой разнообразными акторами». Однако это не анархия (что означает отсутствие управления вообще): «применительно к мировой политике так описывается система, в которой суверенные государства являются существенно важными игроками и нет наднациональных акторов с их принуждающей властью над государствами». В недавно опубликованной статье автор концептуализирует полиархию как систему, которая «включает значимых негосударственных, наднациональных и транснациональных акторов в дополнение к национальным правительствам и охватывает региональные и универсальные институты с наднациональными полномочиями». Таким образом, данная концепция в самой упрощенной форме отразила основную тенденцию современного процесса трансформации системы управления миром: от вначале происшедшего резкого уменьшения к нача-

вшемуся быстрому росту числа участвующих в этом управлении разновесных игроков. Естественно, что в рамках этого процесса общины иммигрантов становятся таковыми.

На основе достигнутого уровня теоретического осмысления проблемы можно говорить о трех глобализационно-культурных парадигмах, или перспективах, по концепции американского ученого Недервейна Питерса: о культурном дифференциализме, или продолжающихся различиях; культурной конвергенции, или растущей похожести (*sameness*); культурной гибридизации, или постоянном смешении. Ключевым здесь является отношение к культурно-цивилизационным различиям: приведет ли глобализация к их нивелированию, стиранию путем поглощения одних другими, гомогенизации (конвергенция); будут ли они, напротив, укреплены, увековечены (дифференциализм, лежащий в основе теории «столкновения цивилизаций» Самюэля Хантингтона) или же будет происходить процесс их смешивания (гибридизация). Следует заметить, что дискурс, основанный на этой, известной еще в XIX веке концепции гибридизации, на Западе получил развитие именно в литературе, посвященной феномену миграции. В данном контексте мусульманский Восток здесь выполняет функцию агента гибридизации.

В данном случае необходимо вернуться к идее диалога, который я считаю возможным назвать междоцивилизационным. Этот термин устоялся, вошел в глобальный политический лексикон и, несмотря на большую привлекательность и корректность употребления иной схемы — «одна цивилизация — много культур», вполне допустим как инструмент теоретического дискурса. Конечно, взаимодействуют не какие-то абстрактные цивилизации, а люди, являющиеся носителями различных культурно-цивилизационных ценностей. Однако идеационные мотивации и культурно-цивилизационное «обрамление» (*framing*) поступков не только индивидов, но и гораздо более крупных сообществ людей, таких как нации или государства, зачастую приобретают столь великую силу, что могут выступать, без преувеличения, в роли известного «двигателя истории».

Именно поэтому вышеупомянутый диалог между религиями и культурами в нашу просвещенную, но конфликтную эпоху глобализации стал императивом. Он является важным средством преодоления отчуждения, недопонимания, враждебности между людьми, сегодня особенно опасных для судеб мира. Этот диалог является не линейной, а многомерной конструкцией, и он может быть успешным только в том случае, если будет дополнен диалогом внутрицивилизационным, спорами о сути той или иной культуры, ведущимися самими ее представителями. Как мы знаем, эти споры иногда носят более ожесточенный характер, чем споры между представителями различных культур.

К сожалению, даже в либеральной, демократической и просвещенной Европе далеко не все делается для того, чтобы обеспечить комфортное вхождение живущих в ней мусульман в общество. Интеграция зачастую понимается как лишение мигрантов их собственной культурной идентичности. Юрген

Рюттгерс, премьер-министр германской земли Северный Рейн — Вестфалия и ярый ксенофоб, считает, что нигде в мире нет примера успешного мультикультурного общества. Он говорит: «Интеграция не ассимиляция. Вам не нужно отказываться от вашей религии, но вы должны подчиниться нашим основополагающим ценностям». Ему же принадлежит выражение: «Kinder statt Inder» — «Больше детей, но не индийцев». Шведский профсоюзный лидер Геран Юханссон на вопрос о том, что он имеет в виду под интеграцией, отвечает несколько иначе: «Меня не интересует, уважаете ли вы нашу культуру. Вы лишь должны подчиниться закону». Американский автор К. Колдуэлл, неадекватно интерпретируя взгляды одного из европейских профессоров-мусульман, утверждает: «Только тогда, когда европейские установления будут поняты как мусульманские, мусульмане будут подчиняться им. А если нет, то не будут». Журналист Иан Бурума идет еще дальше в приписывании мусульманам несуществующих намерений, говоря, будто исламисты XXI века, подобно исламистам прошлого, «цинично использовавшим технологические инновации Запада», «точно так же относятся к западным свободам и правам». На самом деле именно подход, демонстрируемый журналистом, отрицает культурное разнообразие, за развитие которого всегда выступали западные мыслители.

Заметим, что число мусульманских ученых, стремящихся с разных позиций — как модернистских, так и консервативно-оградительных — так или иначе приспособить ислам к условиям жизни исламской уммы в условиях обществ немусульманского большинства и правления немусульман, весьма велико. Крупнейший мусульманский правовед Америки и основатель Североамериканского совета по фикху шейх Таха Джабир аль-Альвани считается создателем концепции фикха меньшинств, получившей распространение с середины 1990-х годов. Правоведы, развивающие доктрину этого «нового фикха», с помощью фетв корректируют правовые нормы традиционного мусульманского законодательства, не противореча при этом основам шариата. К примеру, в фетве Европейского совета по фетвам и исследованиям мусульманам не только разрешается, но и рекомендуется поздравлять немусульман с их праздниками, что не дозволялось многими законооведами, но запрещается участвовать в самих празднованиях, за исключением светских национальных праздников государств их пребывания.

Характеризуя ситуацию в России, во-первых, повторю всем хорошо известную истину, иногда забываемую не только нашими зарубежными коллегами, но и отдельными соотечественниками: Россия — не только православная, но и мусульманская держава. Поэтому мы не можем жить в отрыве от исламского мира: он одновременно и снаружи, и внутри. Несколько слов об истории. Она была непростой: объединение страны в единый уникальный многокультурный организм сопровождалось завоеваниями и вооруженными столкновениями между вошедшими в него в конце концов сообществами, причем зачастую не всегда на этнической основе — воевали между собой и сами русские княжества. Заметим,

что в Европе между собой воевали гораздо больше и ожесточеннее. Даже в войнах русских княжеств с Золотой Ордой, которая оказала на них большое культурное влияние, по обе стороны часто вместе находились представители и русских, и татар, и других народов. Войско русского Александра Невского одолело западных захватчиков при помощи воинов из мусульманской Золотой Орды.

Объединившись и победив, Россия, опасаясь новых иноземных завоеваний и заботясь о своей безопасности, расширялась по периметру своих границ, но, в отличие от европейцев, она никогда не пыталась колонизировать другие государства. Наши предки оставили нам в наследство хорошее поле взаимоприязненных отношений с народами мусульманского мира. Конечно, они, как было принято в те далекие времена, с оружием в руках соперничали за влияние с соседними империями — Персией и Турцией, но при этом ими никогда не ставилась цель завоевания и подчинения. Сегодня наше прошлое, похоже, сближает нас лишь с этими двумя дружественными влиятельнейшими державами — новыми центрами силы многополюсного мира.

Политика веротерпимости окончательно возродилась в России в эпоху Екатерины II, в XVIII веке. Но вопреки расхожим представлениям и до этого, и в Петровскую эпоху, когда на отношения Петра I к мусульманам накладывалась ситуация, связанная со столкновением интересов с Персией и Ираном, в политике царя не было исламофобии. Вокруг него, в том числе и в военных походах, всегда находились представители мусульман. К примеру, с Прутского похода 1711 года в окружении царя стал выдвигаться представитель одного из известных мусульманских аристократических родов — Тевкелев. Толерантность российского ислама, преданность укрепляющейся и растущей российской уммы нашему многонациональному и поликонфессиональному государству давно стали одной из главных цементующих основ, на которых базируется наша государственность. Но достаточно истории: сегодня к ней все чаще апеллируют политики, недостойно манипулируя ее данными. В общем, как правильно сказал президент Д. Медведев, выступая в Каире, нам не нужно добиваться дружбы с исламским миром, так как Россия является его неотъемлемой частью.

Важно и то, что русских сближают с исламским миром схожие моральные идеалы — это ответственность человека перед обществом и государством, взаимопомощь, роль семейных ценностей, нравственный подход к международным отношениям и многое другое. Можно говорить о цивилизационной близости наших народов. Сегодня Россия переживает эпоху решительного восстановления национальной культурно-исторической памяти. В этом, одном из важных измерений процесса укрепления нашей государственности, православная и мусульманская традиции объединены и своей богоданной близостью, и жизненными интересами людей, которые сталкиваются с вызовами эры глобализации, попирающей национальные устои. Для исламского мира это также вызовы агрессивной секуляризации,

которые проповедуют некоторые группы в западных обществах.

Религиозные корни наших культур восходят к одному источнику, хотя ветви выросли в разных направлениях. Но разве так важно, что в наших православных храмах живописная икона, как писал Иоанн Дамаскин, является «поклонным образом», а в мечетях нет антропоморфного образа? Важно, чтобы в наших отношениях всегда торжествовала толерантность, готовность к сосуществованию культур. Именно толерантность является стержнем всех священных религий мира.

Наконец, мы вместе с исламским миром являемся энергетической «кладовой» человечества. Хорошо известно, что Россия и страны исламского мира совместно располагают основной частью ресурсно-энергетического потенциала Вселенной. В этой лодке нам еще довольно долго — желательно как можно дольше — плыть вместе.

В заключение несколько слов о так называемой «мировой войне с террором». Термин «исламский терроризм» категорически неприемлем, что очень

своевременно отметил Президент РФ. Этот термин стал ярлыком, который с радостью вешают на мусульманские общества их недруги. Однако не будем забывать того, что в этих обществах, к сожалению, есть разъедающие их изнутри злостные силы, неправомерно присваивающие себе право говорить от имени ислама и пытающиеся с помощью религии оправдать действия, коренным образом противоречащие его ценностям. Они предали забвению тот факт, что для мусульманской культуры характерны не только любовь к единоверцам и почтение к друзьям, но и уважение к противникам и милосердие к побежденным.

Лечить собственные болезни и исламский мир, и Россия, у которой они тоже имеются, должны сами, а не при помощи иностранных советчиков, охотно прибегающих для этого к военной силе. В треугольнике, о котором я говорил в докладе, лишь на одном отрезке — в отношениях между Россией и исламским миром — диалог, сотрудничество, взаимообогащение и культурный синтез позволяют надеяться на бесконфликтное будущее.